

УДК 811.161.1'38-053.9
ББК 81.2Рус-5

Л. Б. Никитина
Омск, Россия

L. B. Nikitina
Omsk, Russia

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

THE LANGUAGE IMAGE OF THE ELDERLY PERSON IN THE LIGHT OF EVALUATING SPEECH GENRES

Аннотация. Современная лингвоантропология, для которой характерна интеграция методов и приемов исследования отображенных в языке представлений о мире и человеке, использует инструментальные возможности жанрологии с целью семантического моделирования языкового образа человека.

В статье содержится обоснование исследования языкового образа человека в речевом жанре: в речевом жанре фокусируются смыслы, репрезентируемые языковыми единицами разных уровней, а также отражается коммуникативно-прагматическая обусловленность функционирования этих единиц; обращение к речевым жанрам позволяет представить субъектно-объектную природу языкового образа человека и описать этот образ комплексно.

На примере исследования образа пожилого человека в русской языковой картине мира проанализированы типичные для него смысловые оппозиции, репрезентированные в оценочных речевых жанрах «одобрение» и «порицание». Выявлены стереотипные оценки возраста старости, отраженные в речевом жанре «сентенция».

Ключевые слова: языковой образ человека, речевой жанр, оценка, одобрение, порицание.

Abstract. Modern linguistic anthropology is characterized by the integration of methods and means of the research reflected in the language of knowledge about the world and the person. It uses instrumental opportunities of the genre theory for semantic modelling of the language image of the person.

The substantiation of the research of the language image of the person in the speech genre aspect is given in the article. Meanings, represented by language units of different levels, are focused in the speech genre. The communicative and pragmatic conditionality of these units functioning is also reflected in the present paper. Addressing the speech genres allows to represent the subject-object nature of the language image of the person and describe this image fully.

By the example of the research of the image of the elderly person in the Russian language picture of the world, sense oppositions, represented in evaluating speech genres "approval" and "punishment", typical for the Russian language, are analyzed. The stereotype evaluation of the age of getting old, reflected in the speech genre "maxim", are revealed.

Key words: language image of the person, speech genre, evaluation, approval, punishment.

Сведения об авторе: Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

E-mail: laribn@rambler.ru

About the author: Nikitina Larissa Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Language and Linguodidactics.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

Методологическим принципом современной лингвоантропологии, изучающей язык «по мерке человека», является интегративность, заключающаяся в объединении идей, достижений, методов разных отраслей лингвистической мысли. Особенно ярко интегративная сущность антропоцентрической лингвистики проявилась в работах, посвященных семантическому моделированию языкового образа человека, для которых характерны обращение к разноуровневому языковому материалу, внимание к функциональному аспекту семантики языковых единиц, комплементаризм практических изысканий и выводов.

Разные подходы к изучению образа человека в языке (когнитивно-семантический, психолингвистический, социолингвистический и

др.) базируются на признании субъектно-объектной сущности данного языкового феномена: в одних исследованиях внимание ученых сосредоточено на субъектных языковых ипостасях человека (языковые реалии рассматриваются через призму речевой деятельности субъекта, познающего мир и отражающего результаты этого познания в языке), в других – образ человека предстает как фрагмент языковой картины мира, результат деятельности субъекта речи/мысли (лингвистическому описанию подвергаются языковые репрезентации человека как объекта языковой концептуализации) (например, исследование представителей Омской лингвоантропологической школы [1]).

Субъектно-объектная природа языкового образа человека, корреляция смыслов «че-

ловек в языке» и «язык в человеке» сформировала широкий взгляд на проблему семантической реконструкции данного языкового образа: ученые обращаются к содержательно ориентированным единицам языка разных уровней, а также к речевым жанрам, признавая тот факт, что они «составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт» [2 : 9].

Исследование образа-концепта «человек» в речевом аспекте – это та «точка», в которой пересекаются названные смыслы: описать языковой образ человека через призму речевого жанра – значит соотносить речевую (субъектную) языковую ипостась человека с результатом речевой активности человека (с объективно существующим языковым образованием – языковым образом человека-объекта).

Среди работ, активно пополняющих багаж современной жанрологии, – комплексные исследования языкового образа человека, для которых тот или иной речевой жанр становится инструментом лингвистического описания, позволяющим представить исследуемый феномен в коммуникативно-прагматическом аспекте: это работы омских лингвистов О. В. Коротун, Е. В. Лобковой, Н. А. Седовой, Н. Д. Федяевой и др., в которых образ человека в языке рассматривается через призму речевых жанров «одобрение», «порицание», «портретирование», «сентенция», «признание в любви», «объявление о знакомстве» и др. [1].

В данной статье обратимся к языковому образу человека в его возрастной ипостаси, соотносимой с разными периодами человеческой жизни, в частности, с таким временным отрезком, как старость (пожилой возраст), и представим образ пожилого человека (далее – ПЧ) через призму оценочных речевых жанров.

Признавая историческую изменчивость понятий «возраст старости» и «пожилой человек», обусловленность определения соответствующих феноменов рядом объективных и субъективных факторов, мы сконцентрировали внимание на типичных для оценочных речевых жанров смыслах, формирующих образ человека, находящегося на таком этапе жизни, который современными носителями языка воспринимается как завершающий отрезок возрастной градационной шкалы. Использование хронологически широкого и разностилевого материала мотивируется относительной устойчивостью восприятия ПЧ и возраста старости представителями русской культуры и отмеченной выше ориентацией на выявление

типичных для языкового образа ПЧ смыслов.

Вплощая в себе наивысшую ценностную предметность, человек постоянно оценивается говорящими, а сама оценка как семантическая категория является универсальной для его языкового образа. Оценка имеет и статус гипержанра, разновидностями которого являются речевые жанры одобрения и порицания, соотносимые с противоположными оценочными полюсами.

Применительно к языковому образу ПЧ выделяется два объекта оценки: человек на соответствующем возрастном этапе своего существования (собственно ПЧ) и возрастной этап, именуемый старостью. Оба названных объекта регулярно оцениваются говорящими, при этом старость получает оценочную характеристику со стороны говорящего безотносительно к конкретному лицу: оценка возраста старости носит обобщающий, стереотипный характер и потому тяготеет к речевому жанру «сентенция».

Итак, в основе речевых жанров одобрения и порицания лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить оценку (положительную или отрицательную) действия, поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в общении (реже – собственного действия, поступка, поведения); для речевого жанра «сентенция» характерно коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить общеизвестную истину (часто поучающего свойства).

Нами установлено, что типичными способами выражения одобрения/порицания действий, поступков, поведения ПЧ являются высказывания с семантикой противопоставления и следствия.

Для высказываний-одобрений характерны следующие случаи противопоставлений:

А. Пожилой возраст противопоставляется внешним данным: *Замечательно выглядишь! В наши-то годы так выглядишь! Законсервировалась, наверно?* (из разговора); *В марафоне участвовали наши заслуженные ветераны. Даже не верится, что этим по-спортивному подтянутым людям уже за семьдесят* («Ваш Ореол», 2010); *Смотри, как стильно одевается. И каблучок всегда. А ей ведь уже к восьмидесяти* (из разговора). Говорящие положительно оценивают внешность ПЧ, отмечая ее нестандартность на фоне возраста.

Б. Пожилой возраст противопоставляется конкретным поступкам или действиям: *Ну ты, отец, даешь! Молодец! Есть еще порох в пороховницах! Этим молодым оболтусам еще расти и расти; Казалось бы, старая, еле ноги носит, а дома все выли-*

жет до блеска: чистота, порядочек; Уж если дед взялся за дело, все будет как надо. Даром что старик (из разговоров). Положительная оценка разнообразных проявлений ПЧ контрастирует с указаниями на возраст, который в картине мира часто ассоциируется с иными проявлениями.

В отмеченных выше случаях (семантико-синтаксических конструкциях типа «*хотя ... , но (а) ...*» и их вариантах) пожилой возраст объекта оценки приобретает слабо выраженную отрицательно-оценочную коннотацию: то, что человек пребывает в пожилом возрасте, не является предметом положительной оценки говорящего (старость сама по себе отнюдь не вызывает восхищения); на фоне этой условно отрицательной оценки старого возраста происходит интенсификация положительной оценки несвойственных старости проявлений.

Семантика следствия характерна в первую очередь для одобрений интеллектуальных проявлений ПЧ, сопровождающихся указаниями на его жизненный опыт: *Еще бы ты не понял! До седых волос уж дожил – как не понять; Она почти пятьдесят лет в этом отделе сидит, ветеран. В чертежах прекрасно разбирается; Вы-то уж жизнь прожили – знаете что почем* (из разговоров). Кроме того, причинно-следственная связь устанавливается между возрастом старости и такими нравственными качествами человека, как доброта, заботливость (например, бабушка традиционно ассоциируется с заботой о внуках, с домашним теплом и уютом; соответственно первопричиной такого положения дел, как и похвал в ее адрес, является почтенный возраст).

Типичными для порицаний ПЧ являются следующие противопоставления.

А. Пожилой возраст противопоставляется интеллектуальным проявлениям (при этом первый приобретает положительно-оценочную коннотацию, а вторые резко отрицательную): *Вы же пожилой человек, а таких элементарных вещей не понимаете!* (из разговора); *Удивительно, что почтенные пожилые люди позволяют себя обманывать и не делают ровным счетом ничего для того, чтобы понять элементарные вещи* («Известия», 2010); *Ты, старый, жизнь прожил, а ума не нашёл* (из разговора).

Отметим частотность употребления словосочетания *старый дурак* для негативной оценки разнообразных проявлений ПЧ (о десемантизации и экспансии в другие сферы предиката *дурак*, а также других предикатов интеллектуальной сферы см. [3 : 192–202]): *Было бы мне, старому дураку, выждать, постоять в сторонке, не примолвливать*

поначалу Александра Анисимовича (М. Шолохов); *Так передай ей: старый дурак, мол, кончил отступать и наступает обратно к дому, не чаёт, когда до печки доберется* (М. Шолохов); *Очумел, старый дурак! Будешь ерепениться – свезем и бросим на задворки* (Ф. Абрамов).

Б. Пожилой возраст противопоставляется внешности (отрицательная оценка внешнего вида человека контрастирует с указанием на почтенный возраст): *Тебе уж за семьдесят, а вырядилась – смотреть противно; Ей шестьдесят где-то, а накрутила как молодуха! Думает, никто не видит, что штучатурка сплошная; Кончай молодиться: старый уже шорты носить* (из разговоров). Основанием для данных порицаний являются, с одной стороны, традиционные для носителей языка представления о характерной для пожилых людей сдержанности в одежде и сопровождающих ПЧ внешних атрибутах в целом; с другой – расходящееся с этими представлениями реальное положение дел.

В. Пожилой возраст противопоставляется нравственным проявлениям (отрицательная оценка конкретных поступков усиливается в контексте возраста): *Хоть ты и старик, а брешешь, как сивый мерин!* (М. Шолохов); *Вот вы едете со мной вместе, например, а деньги спрятали... аж вон куда! Пожилой человек. Не стыдно?* (В. Шукшин); *Ну, ты там молчи, старый хрен. Ногами еле двигает, черт в таратайке переехал, а на селе трех баб содержит. Одной ему мало* (Л. Андреев). (В последнем высказывании указание на пожилой возраст сопровождается нелестной характеристикой внешних данных).

Наиболее частотны в порицаниях ПЧ следующие причинно-следственные отношения:

А. Пожилой возраст – глупость: *Ты, бабка, чем ни больше стареешь, тем больше дуреешь. Неужели ты такую простую штуку сама не сообразишь?* (М. Шолохов); *Беда у всех одна: потемнел разум у нашего царя. Стар становится он. Неразумен в своих поступках* (В. Костылев); *Стар старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков* (М. Горький).

Следствием пожилого возраста выступают различные опосредованные интеллектом проявления человека, получающие негативную оценку (например, плохая память, невнимательность, отсутствие сосредоточенности, неумение оценивать ситуацию): *Годы идут, старею, память уже не та* (К. Симонов); *Бабушка, вы что, не видите, что они вас обманывают! Думать надо, кому дверь открываете* (из разговора о

мошенниках, обманом отнимающих у стариков пенсии); *Чего ждать от старой необразованной женщины? Неудивительно, что она и внука-то проглядела* (из телепередачи).

Со старческой глупостью часто связываются речевые проявления ПЧ: *От старости, видимо, из ума выжил. Шутка ли чего сказал...* (В. Короленко); *Старый черт – ерунду порешь! Соображаешь, чего не сешь?* (из разговора).

Старость в представлениях говорящих часто становится причиной нелогичных, странных поступков и действий, чудачеств человека: *Вот это сдурел, старый! ... Ей-богу, сдурел! Дети приехали домой, больше году не видели их, а он задумал бог знает что: биться на кулачки* (Н. Гоголь); *Дурак, вот старый дурак чего надумал! Молитвы на старости лет начал сочинять. Мало ему божественных книг!* (Ф. Абрамов).

Б. Пожилой возраст – брюзжание, ворчание, осуждение молодых, излишняя назидательность и т.п. речевые проявления: *Старушки на улице – это одно, но в автобусе – это ужас! Бурчат вечно: хоть уступишь место, хоть нет* (из разговора); *У подъезда сидят старушки, у которых нет более интересного занятия, чем помыть кости пробегающим мимо молодым девчонкам* (www.lovehate.ru/Old-age/2); *Старый ты, ворчун, все б тебе ворчать* (А. Ремизов).

Отметим характерную для порицаний активную сочетаемость определения *старый* (*старая*) с отрицательно-оценочными словами, характеризующими человека (например: *старый черт, старая собака, старая ведьма, старая кляча, старый кобель, старый осел, старый плут, старая кикимора* и т.д.): *Следователь, старый осел, вызывал вас, но я прекратил эту процедуру* (М. Горький); *А ты уже хлебнул, кобель старый!* (М. Шолохов); *Что этот старый ловелас делает рядом с моей дочерью?!* (из кинофильма).

Преобладание отрицательно-оценочных наименований ПЧ в сравнении с положительно-оценочными свидетельствует как об общепризнанном преимуществе выхода в речь отрицательных оценок объектов действительности, так и о частотности отрицательных оценок ПЧ в сравнении с положительными. В то же время отрицательно-оценочные наименования ПЧ могут под влиянием ситуативных факторов частично или полностью утрачивать семантику негатива и становиться средством выражения иронии, насмешки, а иногда и приветливого обращения: *Бедовая у меня старуха! Чего, говорит, людей-то смешишь, старый*

черт? Портфельщиком захотел? Иль на старости лет хвосты у кобыл крутить разучился? (М. Шолохов) – в высказывании содержится иронично-снихождительное обращение жены к мужу; *Я, кляча старая, тащила за тридцать земель. Знала бы – с места не двинулась* (из разговора) – ироничная самооценка; *Ну что, старые перчатки, за встречу?* (из разговора) – приветливо-ироничное обращение к близким людям.

Типичными для порицаний ПЧ являются обороты *в такие-то годы, в вашем-то возрасте, в столь солидном возрасте, в твои лета* и *на старости лет*. Например: *в ваши-то годы так одеваться; в столь солидном возрасте и так себя вести; в твои лета это некрасиво; очуметь на старости лет; на старости лет такое вытворять* и т.д.

В целом говорящие остро реагируют на отступления от нормы – сложившихся стереотипных представлений о внешних и внутренних проявлениях ПЧ: как правило, положительную оценку получают те проявления, которые традиционно присущи молодым людям: физическая и интеллектуальная активность, понимание современной жизни (исключение составляет искусственное стремление казаться моложе своих лет, например, одеваться по-молодежному, что в лучшем случае вызывает ироничную насмешку); отрицательную – те, что расходятся с традиционными представлениями о преимуществах старости: наличие жизненного опыта, житейской мудрости. При этом в одобрениях/порицаниях ПЧ «спорят» два противоречащих друг другу стереотипа: «с годами человек ума набирается, становится мудрее» и «старый человек из ума выживает, утрачивает умственные способности».

В высказываниях о ПЧ всегда (в эксплицитном или имплицитном виде) присутствует сравнение ПЧ с молодым; и это сравнение не обязательно в пользу молодости. Более того, часто при порицании молодых людей используются отрицательно-оценочные наименования ПЧ или сравнения (например, *старая кляча, ворчать как старик, одеваться по-старушечьи* и т.д.). Иными словами, человек в любом возрасте может характеризоваться как старый, и это неестественное положение дел свидетельствует об отрицательной оценке: *Молодые совсем, а расти не хотите. Как старики, сидите...* (из разговора); *А вы вот – жидкой крови людишки! Еще не выросли, а уж себя переросли и дряблые живете, как старая редька... И то, что жизнь все краше становится, – недоступно вам...* (М. Горький); *Вам еще*

только двадцать лет, но уж вы стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж (А. Чехов).

Основанием оценки возраста старости являются следующие параметры: физиологический, духовный, социальный, философский.

Физиологический аспект оценки возраста старости связан с изменениями, которые происходят в человеческом организме на закате жизни. Старость является результатом процесса старения и характеризуется тем, что организм изнашивается, увядает, что, естественно, не вызывает положительных эмоций.

Отрицательная оценка старости с физиологической точки зрения представлена смысловой структурой «старость есть болезнь»: *Старость – это ухудшение здоровья* (Е. Белоглазова); *Старость сама по себе болезнь* («Комсомольская правда», 2011); *Что поделаешь... Старость – это букет заболеваний* (из разговора).

Самым неутешительным среди множества диагнозов старости является утрата умственных способностей (*глупость, маразм, недопонимание, отсутствие памяти* и т.д.). Ср.: *мудрость, жизненный опыт* как атрибуты старости, не имеющие прямого отношения к физиологии ПЧ, являются основанием ее положительной оценки: такая оценка представлена смысловой структурой «старость есть мудрость (опыт)».

Духовный аспект оценки завершающего этапа человеческой жизни связан с внутренним состоянием ПЧ, ощущающего душевную (как правило, вкупе с физической) усталость, внутренний дискомфорт, вызванный ощущением своей «негодности», приближением конца жизни.

Отрицательная оценка старости с точки зрения внутреннего состояния человека представлена смысловой структурой «старость есть негативные эмоции». В следующих примерах, иллюстрирующих стереотипную оценку «старость не радость», содержатся указатели отрицательных эмоций, сопровождающих возраст старости: *Старость – это щемящая тоска по прошлому* (из кинофильма); *Закат жизни... Что кроется за этим понятием? Страх, приводящий в замешательство. Страх навсегда проститься с тем, что до сей поры составляло смысл жизни и делало ее интересной* («Пенсионерская правда», 2009); *Старость не радость. Сплошная грусть* (из разговора).

Положительная оценка эмоционального фона возраста старости связана с представлением о характерном для этого этапа жизни состоянии эмоционального покоя, сопря-

женного с достижением вершин мудрости: *Старость – это счастливое время, когда не надо суетиться, куда-то бежать. Это состояние душевного покоя, оттого что все уже открыто и познано* («Пенсионерская правда», 2009); *Сейчас очень подозреваю – старым людям вовсе не так плохо живется, как мы это себе представляем в молодости. Есть сладость в том, как, наученный опытом долгих лет, вызываешь в своей памяти прошлое и расставляешь по своему все на места* (М. Пришвин); *Пенсионный возраст – это возможность отдохнуть от накопившихся проблем, пофилософствовать, порадоваться тому, на что раньше не хватало времени* (из телепередачи). Однако нельзя не отметить, что семантика радости в высказываниях носителей русского языка о завершающем этапе человеческой жизни присутствует крайне редко и по преимуществу в ироническом контексте: пожилые люди нередко иронизируют по поводу своего возраста, шутливо называя его периодом безмятежного покоя и отсутствия душевных волнений, испытывая при этом прямо противоположные чувства.

Социальный аспект оценки возраста старости связан с отношением общества к пожилым людям. В современной русской языковой картине мира можно найти как свидетельства уважительного отношения к старости (*старикам везде у нас почет*), так и образцы равнодушия к людям старшего поколения со стороны общества и государства (*старость – возраст доживания; пенсионеры – обуза государства*).

Отметим типичные смысловые модели оценки старости в связи с ее социальной стороной.

А. «Старость – это одиночество»: *Старость – всегда одинокая и больная, даже в окружении детей* (В. Токарева); *Старость – это когда становишься беспомощным и одиноким* (из кинофильма); *Старость – это, как правило, одинокое существование* («Пенсионерская правда», 2010).

Б. «Старость – это бедность»: *Старость у нас в стране – это борьба за выживание* («Московский комсомолец», 2009); *Неужели наши старики заслужили такую жизнь? Неужели нищета – это удел старости?* («Жизнь», 2010).

Отмеченные социальные атрибуты старости (одиночество, материальные проблемы), характерные для современной действительности, в картине мира говорящих оцениваются негативно. Противоположные по знаку оценки социальные характеристики старости (например, уважение и почитание, моральная и материальная

поддержка) по преимуществу находят отражение в высказываниях с семантикой должностования или в описаниях ситуаций, воспринимающихся современными носителями языка как образцовые или идеальные. Сказанное не означает, что в нашем обществе происходит дискриминация старости и традиционные, уходящие в глубь веков принципы поклонения старшему поколению утрачиваются. Речь идет об обусловленном экстралингвистическими факторами (в первую очередь социально-экономическим состоянием государства) представлении людей о старости как социальном явлении и типичных для наших современников оценках старости в ее социальном аспекте. К сожалению, сегодня трудно говорить о социальном благополучии старости – отсюда преобладание ее отрицательных оценок и грустно-ироничные замечания по этому поводу: *За старость счастливую нашу спасибо, родная страна!* («Комсомольская правда», 2010); *Только в России безбедная старость означает, что ты еще где-то подрабатываешь* (А. Калинин); *– Как называют людей, которые не едят мясо? – Пенсионеры* (анекдот).

По данным высказываний-сентенций выход на пенсию, который часто ассоциируется с началом старости, несет в себе массу социальных проблем, в первую очередь материальных: *Ждет нас в старости заслуженный отдых да незаслуженно маленькая пенсия* («Комсомольская правда», 2011); *Выход на пенсию в нашей стране – это материальная катастрофа* (из телепередачи); *На пенсии не зажиреешь* (из разговора). Участившиеся в последнее время разговоры о возможном повышении пенсионного возраста породили всплеск речевой активности всех, кому грозит перспектива выживания в старости. Например, в следующем отрывке газетного текста отрицательная оценка старости в ее социальном аспекте завуалирована авторской иронией (обеспокоенность своим будущим говорящий выражает через преувеличение, введение далеких от реальности картин): *А я все разговоры о повышении пенсионного возраста воспринимаю как личное оскорбление, с нервической реакцией: сразу начинает подергиваться глаз, кожа покрывается мурашками, волосы на голове шевелятся, а рука тянется к пистолету, а пистолета нету. А все потому, что с тех пор как я перешагнул пятидесятилетний рубеж, меня этот вопрос стал слегка волновать. Через каких-то пару-тройку лет я сам планирую легитимно уйти от мирской суеты в затвор деревенской жизни, чтоб на всю*

огромную пенсию (на все пять тысяч рублей, наверное) сибаритствовать, наслаждаясь заслуженной свободой: рыбалкой на рассвете, вечерним, вдумчивым чтением журнала Playboy у камина в теплых офицерских кальсонах с очаровательной крошкой на коленях, ноги в тазу с горячей водичей, в дрожащей руке чашка горячего глинтвейна, сигара в поредевших зубах. А когда мне сегодня намекают, что, возможно, мне придется подождать с рыбалкой, сигарой и тазом до тех пор, пока мне не стукнет 65, я думаю, что я могу и не дожить до этого глинтвейнового рая («Комсомольская правда», 2011).

Философский аспект оценки старости связан с осмыслением жизненного пути, переоценкой ценностей, размышлениями о смысле жизни, которые часто приводят к раздумьям о смерти: *На закате жизни, когда большая часть этой дороги уже пройдена, ты оглядываешься назад и видишь, что годы пролетели, словно один миг. Осознаешь, что времени у тебя было не так уж много, а осталось совсем мало* (<http://webweek.ru>); *Старость – это тиран, который под страхом смерти запрещает нам все наслаждения юности* (Ф. Ларошфуко); *Старики более живут воспоминанием, чем надеждой, потому что для них остающаяся жизнь коротка, прошедшая длинна* (Аристотель).

В высказываниях-сентенциях старость предстает как неизбежность (чаще трагическая) и одновременно неожиданность, как тот период жизни, который вызывает отрицательные эмоции своей приближенностью к концу жизни: *Старость – это, конечно, страшная неизбежность* (<http://www.lovehate.ru/Old-age>); *А от смерти да старости – спасенья нет* (И. Бунин); *Старость – редкая гадость. Господу Богу все хорошо удалось – и рождение человека, и юность, и зрелость. А вот старость – нет* (из интервью с Б. Ступкой).

С философской точки зрения старость – это конгломерат знаний, настроений и чувств, которые сопровождают время подведения итогов; это некая вершина, с высоты которой человек оценивает себя и выводит формулу смысла своей жизни: *Когда человек приближается к концу своего жизненного пути, он с грустью задает себе вопрос, суждено ли ему увидеть те манящие горизонты, которые расстилаются там, впереди? Утешением ему является то, что за ним идут молодые, сильные, что старость и юность сливаются в непрерывной работе для исследования истины* (Н. Жуковский).

Сентенции фиксируют традиционные представления о потерях и приобретениях, свойственных возрасту старости, и противопоставление минусов и плюсов этого периода жизни делает его оценку неоднозначной: *С годами утрачивается интерес к себе. И странно: именно тогда мы и открываем в себе самое духовное и сокровенное* (Е. Погат); *Старость забирает одно: молодое тело, вихри волос, выносливость, но дарит другое: мудрость, опыт, рассудительность, спокойствие* («Пенсионер России», 2010). Ср. противоположные по знаку оценки высказывания о старости: *Безоблачная старость – это миф* (И. Губерман); *Старость – это когда не можешь самостоятельно за собой следить, тебе ничего не интересно, ты ни к чему не стремишься* (И. Бабушкин); *Старость – это радость! Это возможность заниматься любимым хобби. Это счастье видеть продолжение себя в детях и внуках, воспитание которых приносит теперь только удовольствие. Это новый взгляд на мир – через линзу прожитых лет. Умение видеть прекрасное, лучшее понимание человеческих отношений* (О. Филимонова). В целом очевидно преобладание негативных оценок старости, что обусловлено «соседством» старости со смертью, которое практически не дает этому возрастному периоду шансов на однозначно положительную оценку.

Таким образом, исследование языкового образа ПЧ через призму оценочных речевых жанров показало, что для него характерны неоднозначность и противоречивость оценок, преобладание отрицательно-оценочных смыслов и разнообразие их лексико-семантических представлений, а также регулярность эксплицитного или имплицитного

присутствия смысловой оппозиции «молодой – старый».

В заключение отметим несомненную перспективность исследования языкового образа человека в речевжанровом аспекте: разные ипостаси человека, находящие свое отражение в языке, характеризуются своим репертуаром речевых жанров, высвечивающих типичные для соответствующих субобразов смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистика человека : антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск : Вариант-Омск, 2012. 360 с.
2. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генристика : внутрикультурные речевжанровые ценности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : Колледж, 2005. С. 5–34.
3. Никитина Л. Б. Антропоцентрическая семантика : образ homo sapiens по данным русского языка : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 256 с.

REFERENCES

1. *Lingvistika cheloveka: antologija*. Eds. L. B. Nikitina, N. D. Fedyaeva [Linguistics of the person: anthology. Eds. L. B. Nikitina, N. D. Fedyaeva]. Omsk, 2012. 360 p.
2. Demytyev V. V., Fenina V. V. Kognitivnaja genristika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive Genristics: innercultural speech genres values]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 5–34.
3. Nikitina L. B. *Antropotsentristskaya semantika: obraz homo sapiens po dannym russkogo yazyka* [Anthropocentric semantics: image “homo sapiens” according to the Russian language]. Omsk, 2007. 256 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике